

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ

1 9 5 4

У Ч П Е Д Г И З

В. В. Литвинов

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА В IX КЛАССЕ

I

Изучение языка рассказа «Ионыч» позволяет учителю сделать выводы о характерных чертах чеховского языка — лаконизме и выразительности, умении автора в одном слове, в одном предложении дать широкое обобщение, мастерстве индивидуализации речи героев.

Не описывая подробно города С. и его обитателей, Чехов тем не менее дает почувствовать «душную атмосферу города»; стремясь подчеркнуть обобщающий смысл своих слов, автор часто пользуется обобщенно-личными и неопределенно-личными предложениями (особенно в первых главах рассказа). Нередко употребляются и безличные предложения:

«Как-то зимой на улице его *представляли* Ивану Петровичу...» Здесь подчеркивается самый факт, безотносительно к лицам.

«В мягких, глубоких креслах было *покойно...*», «... *слушать было приятно, удобно...*» Безличные предложения здесь выражают состояние окружающей обстановки не только в отношении к Старцеву, но и в отношении всех, кто проводил вечер в «самой культурной семье города».

Безличными предложениями выражает свои мысли и доктор Старцев, говоря: «Недурственно!» (повторив выражение Туркина, Старцев характеризует им первое общее, оказавшееся потом ошибочным, впечатление от Туркиных).

Наряду с неопределенно-личными и безличными предложениями часто

используются и такие личные предложения, в которых подлежащим служит слово обобщающего характера: «Все окружили ее, поздравляли, изумлялись, уверяли...» (I глава); «...местные жители... говорили» (I глава); «...обыватели не делали ничего» (IV глава).

Особое внимание учащихся мы обращаем на лаконизм и выразительность чеховского языка — качества, тесно между собой связанные: чтобы сказать о чем-нибудь коротко, нужно найти наиболее четкие и выразительные слова и обороты. Чехов обладал удивительным искусством как будто вскользь брошенным замечанием, несколькими меткими словами подчеркнуть самое характерное, самое главное в человеке, в факте.

Так, характеризуя таланты Туркина, Чехов говорит, что он в устраиваемых им любительских спектаклях «сам играл старых генералов и при этом *кашлял очень смешно*» (курсив наш.— В. Л.). Эти три слова, которые по их положению в цитируемом предложении воспринимаются как характеристика игры Туркина, говорят нам больше, чем иной десяток строк: придают иронический оттенок всей характеристике Туркина.

Для того чтобы подчеркнуть нежизненность, надуманность творчества Веры Иосифовны, Чехов пишет, что «читала о том, чего *никогда не бывает в жизни*». Наоборот, общенародность, жизненность песни «Лучи-нушка», которую пел хор, подчеркивается указанием, что эта песня пе-

редавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни». Таким беглым противопоставлением содержания «романа» и песни Чехов окончательно «убивает» роман.

Характерна для Чехова замена подробного описания какого-либо явления, факта, человеческих переживаний краткой и выразительной передачей впечатления. Но Чехов, как реалист, передавая впечатление, производимое явлением, фактом, предметом, никогда не изображает случайное, а всегда характернейшее, важнейшее в этом впечатлении.

Описание игры Котика (I глава), которая воспринимается Старцевым так: «...она упрямо ударяла все по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет клавишей внутрь рояля» и дальше: «...Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются, и ему хочется, чтобы они поскорее перестали сыпаться.» — по существу представляет именно передачу впечатления от игры и выражает в очень резкой форме осуждение формализма в музыке, в которой вместо мелодичных звуков, благотворно действующих на душу, культивировалась дисгармоничность, какофония.

Классическими образцами чеховского лаконизма могут служить концовки, заключающие каждую главу.

I глава заканчивается строчкой: «Недурственно... — вспомнил он, засыпая, и засмеялся». Этими немногими словами дается характеристика молодого Старцева, полного оптимизма, веры, доброты.

Последние строчки II главы: «И, садясь с наслаждением в коляску, он подумал: «Ох, не надо бы полнеть!» Эти слова рисуют уже другого Старцева. В нем нет прежней молодой бодрости. Поэтические переживания, грустные, но глубокие размышления его на кладбище не вызвали в нем подъема, который помог бы ему преодолеть физическую усталость. Если раньше «пройдя девять верст... он не чувствовал ни малейшей усталости», то сейчас полтора часа блужданий совсем его обессили. Он с наслаждением садится в коляску, но в то же время доса-

дует на полноту, лишившую его бодрости.

В III главе последняя строчка: «Сколько хлопот, однако!» — говорит нам о новом Старцеве, который, довольно скоро пережив удар, нанесенный ему отказом Котика, вспоминая о своем неудачном сватовстве, досадует уже только на хлопоты, доставленные ему попыткой жениться.

Очень выразительна и вместе с тем предельно проста последняя строчка IV главы: «И больше уж он никогда не бывал у Туркиных». Это значит, что никогда он не вернулся к своему прошлому, к своей молодости, молодому чувству, надеждам.

V глава заканчивается десятком строк, посвященных судьбе Туркиных. Им предшествует реплика доктора, которой Чехов заканчивает характеристику Ионыча: «Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на *фортепьянах*?»

Для характеристики меняющегося настроения Старцева во время последней его беседы с Екатериной Ивановной Чехов пользуется короткими выразительными предложениями, как бы комментирующими эту беседу: «В душе затеплился огонек»; «Огонек все разгорался в душе...», «...и огонек в душе погас» (IV глава).

Для того чтобы нагляднее выразить мысль, что деньги (бумажки) стекаются в карман Старцева от людей самых разнообразных профессий и разного социального положения, Чехов говорит выразительно, но очень лаконично: от бумажек, которых «было понапихано во все карманы рублей на семьдесят», «пахло духами, и уксусом, и ладаном, и *ворванью*».

В рассказе «Ионыч» изумляет мастерство автора в использовании речи персонажа для его характеристики. Несмотря на то, что, кроме Старцева, все герои рассказа (Иван Петрович, Вера Иосифовна, Екатерина Ивановна) говорят мало, их внутренний облик рельефно выступает в их немногочисленных репликах.

Чехов так характеризует язык Туркина: он «все время говорил на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в

остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: болшинский, недурственно, покорчило вас благодарю...» (I глава).

Эта характеристика оправдывается на протяжении всего рассказа. Первая реплика Ивана Петровича — «Здравствуйте, пожалуйста» (I глава) — и последняя — «Прощайте, пожалуйста» (V глава) — повторяются несколько раз на страницах рассказа. Обычной речью Иван Петрович почти не говорит; повторением одних и тех же острот («вы не имеете...» или «он не имеет никакого римского права...») Чехов подчеркивает его бездарность. Туркин весь в этой нелепой речи, характеризующей его как гостеприимного и добродушного, но пустого и ограниченного обывателя, пошлость которого приняла форму мнимой оригинальности.

Очень полно раскрывается в выразительных репликах образ Веры Иосифовны.

«Жанчик, — сказала Вера Иосифовна мужу, — dites que l'on nous donne du thé» (скажите, чтобы нам дали чаю). На вопрос Старцева: «Вы печатаете свои произведения в журналах?» — Вера Иосифовна отвечает: «Нет, я нигде не печатаю. Напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? — пояснила она. — Бедь мы имеем средства» (I глава).

В первой реплике многоговорящее нелепое *Жанчик* (французское *Жан* с русским суффиксом) и французская фраза — нужно же блеснуть перед новым гостем «культурностью». Вторая реплика целиком разоблачает мещанскую сущность мадам Туркиной.

Для Екатерины Ивановны, до того как она начинает понимать свою бездарность, характерны ее патетические речи в клубе в ответ на признания Старцева (III глава). Здесь повторяются шаблонные, книжные, приподнятые фразы-формулы: «...я очень вам благодарна за честь, я вас уважаю, но, извините, быть вашей женой я не могу. ...больше всего в жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь. ...Человек должен стремиться к высшей, блестящей цели...» и т. п.

Через четыре года (IV глава) Екатерина Ивановна во многом переменялась, прежние иллюзии навсегда рассеялись. Она и Старцев словно поменялись ролями: если раньше он ее идеализировал, то теперь она идеализирует его. В ее искренне взволнованных речах уже почти нет трафаретных фраз-формул (кроме, разве, такой: «Какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу»). Это слова человека, судорожно хватающегося за когда-то им же отвергнутое, а теперь ставшее желанным, готовое ускользнуть счастье. Отсюда прерывающие речь вопросительные и восклицательные предложения («Как вы живете? Что у вас? Как? ...Сколько воспоминаний! ...Какое счастье!»), торопливые саморазоблачения; некоторые фразы отчетливо, хотя и несознательно, рассчитаны на предупреждение нежелательных возражений собеседника, подсказывание ответов («Мне казалось, что мы будем говорить с вами без умолку, до утра»; «Мы будем видиться, говорить, не правда ли?»).

В речах Старцева на протяжении рассказа (Старцев говорит больше других персонажей, но и его слова занимают сравнительно с авторской речью небольшое место) наглядно отражены перемены в его характере и в его жизни.

В его словах, обращенных к Екатерине Ивановне, лирически окрашенных (главы II и III), много молодого чувства. Он говорит: «Ради бога, умоляю вас, не мучайте меня, пойдемте в сад!» (через четыре года Екатерина Ивановна повторит: «Ради бога, пойдемте в сад!»); «Я страстно хочу, я жажду вашего голоса... Заклинаю вас!» — слова и выражения, немислимые в языке Ионыча последних глав. Горячее, молодое чувство подсказывает ему поэтически точные эпитеты для характеристики любви: «...это нежное, радостное, мучительное чувство...»

Старцев уже «не тот» в последней беседе его с Екатериной Ивановной, он уже неспособен на молодое чувство, но у него еще есть критическое отношение к жизни окружающих, и поэтому он находит для ее осуж-

дения резкие справедливые слова («жизнь проходит тускло... общество картежников, алкоголиков, хрипунов...»)

В V главе от прежнего Старцева ничего не остается; в немногочисленных репликах виден новый Старцев — Ионыч, жадный, черствый, грубый стяжатель, беспредельно эгоистичный. Он говорит, как человек, привыкший ни с кем не считаться; реплики его чрезвычайно кратки (слова нужны ему только для того, чтобы выразить самое необходимое): «Это кабинет? Это спальня? А тут что? — говорит Ионыч, осматривая намеченный к покупке дом. Принимая больных, он «кричит своим неприятным голосом: «Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!» (врач, призванный «помогать страдальцам», говорит грубым языком полицейского!).

Учитель на материале одной V главы «Ионыча» сможет показать характерные особенности языка Чехова. В этой главе, где нет никаких событий, но сказано очень много, особенно наглядно виден выразительный лаконизм языка Чехова.

Прежде всего отмечаем мастерское использование Чеховым эпитета-определения. Здесь нет оригинальных, новых эпитетов, но те, которые имеются, отражают характернейшие черты персонажей. Ионыч, едущий на тройке, «пухлый, красный» (как и кучер Пантелеймон); голос у него стал «тонким и резким»; у Пантелеймона «прямые, точно деревянные руки».

Замечателен подбор сказуемых глаголов (иногда в сочетании с пояснительным словом), воссоздающих непривлекательный образ Ионыча: *пополнил, ожирел, облюбовывает (дом), тычет... палкой, тяжело дышит, сердится, стучит палкой, кричит (...неприятным голосом), рассердится вдруг, станет стучать палкой.*

Большую роль в характеристике Ионыча-стяжателя играет сравнение: «...кажется, что едет не человек, а языческий бог». Сравнивая Старцева с языческим богом, Чехов подчеркивает, кроме внешнего сходства с истуканом, его застывшую важность, отсутствие чувств и полней-

шее безразличие к чувствам и переживаниям других людей. В «Ионыче» мало сравнений, но каждое из них несет большую смысловую нагрузку.

Анализируя рассказ «Ионыч», обращаем внимание на роль в нем пейзажа. Пейзаж в рассказе — образец словесной скупости и лаконичности (кроме большого лирического описания кладбища, нужного для характеристики переживаний Старцева).

Во II главе находим две пейзажные зарисовки:

«Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно, а на аллеях лежали темные листья. Уже рано смеркалось».

«Светила луна. Было тихо, тепло, но тепло по-осеннему. В предместье, около боен, выли собаки».

В III главе: «На дворе накрапывал дождь, было очень темно, и только по хриплому кашлю Пантелеймона можно было угадать, где лошади».

В IV главе весь «пейзаж» сводится к двум словам: «Было темно».

За исключением картины кладбища, все остальные зарисовки не преследуют цели показать пейзаж, а лишь передают общее лирическое настроение, создаваемое состоянием природы; в них преобладают безличные предложения типа «было тихо», а впечатление грустной тишины во второй зарисовке усилено детально, подчеркивающей тоскливость: «В предместье ...выли собаки».

Для того чтобы подчеркнуть важнейшие мысли рассказа, Чехов нередко прибегает к афоризмам. Так, уже искушенный жизнью Старцев думает: «Бездарен... не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого».

Анализ языка рассказа «Ионыч» следует связать с анализом образов и композиции рассказа. Тут же могут быть использованы высказывания о языке Чехова, приводимые в учебнике.

Целесообразно предложить учащимся ту или иную характерную черту чеховского языка, разобранную на материале «Ионыча», проиллюстрировать, используя другие рассказы Чехова.

II

Больше внимания в IX классе уделяется разбору языка персонажей «Вишневого сада».

Комментируя текст пьесы, можно сразу же обратить внимание на то, что если реплики одних героев носят в разной степени протескный характер (Епиходов, Пищик, Дуняша, Яша), то слова других действующих лиц овеяны лиризмом (Любовь Андреевна, Аня, Петя Трофимов).

Уже при общем знакомстве с произведением можно указать и на особенность чеховских ремарок: они носят развернутый характер и нередко помогают нам лучше представить себе действующее лицо, к которому

относятся (например, ремарки, относящиеся к Ане).

«Вишневым сад» — драматическое произведение, и поэтому для раскрытия характеров героев особо важную роль играет их речь.

Чехов стремился к тому, чтобы люди на сцене говорили, как в жизни, — не «изрекали». Эта жизненность речи чеховских персонажей делает их особенно «живыми», их характеры более ясными.

Остановимся на речи основных действующих лиц «Вишневого сада», используя для анализа схему, предложенную нами в статье «Изучение языка романа «Война и мир» в IX классе» («Русский язык в школе», 1953, № 4).

Персонаж	Типичные образцы речи	Словарный состав	Синтаксическая структура речи	Общая характеристика речи	Черты характера, отраженные в речи

Вот характерные реплики Раневской в I-м действии:

Я не могу усидеть, не в состоянии... (*Вскакивает и ходит в сильном волнении.*) Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я глупая... Шкапик мой родной... (*Целует шкаф.*) Столик мой...

Из 3-го действия:

У вас, Петя, строгое лицо, но что же делать, голубчик мой, что мне делать, он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему во-время лекарства? И что же тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу.

Из 4-го действия:

О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..

Речь Раневской богата эмоциями, но с преобладанием узко интимного характера. Слова употребляются бытовые, иногда книжно-поэтические. Особенно часто повторяется личное местоимение я в именительном и других падежах и притяжательное

мой. Выясняем, что в речи Раневской представлены разнообразные формы предложений: простые, сложно-подчиненные, обычно очень стройные, вводные предложения, искусно введенные («...буду жить там на те деньги, которые прислала... бабушка на покупку имения — да здравствует бабушка! — а денег этих хватит не надолго»), восклицательные и вопросительные предложения (часто риторический вопрос). Нередко предложения обрываются, кажутся не вполне законченными.

Отмечаем общий характер речи Раневской: эмоциональная, несколько сентиментальная, взволнованная, патетическая речь человека, живущего сердцем, часто образная, с использованием сравнений и метафор («Твои глазки сияют, как два алмаза»; «...счастье просыпалось вместе со мной каждое утро...»; «это камень на моей шее...»; «дрожит душа от каждого звука...»). Речь очень часто меняет характер (например, рассуждения резко сменяются восклицаниями).

В речи Раневской отражены такие черты, как эгоцентризм, эмоциональность, переходящая в чувствительность, неустойчивость настроений, практическая беспомощность внешне культурной барыни, не приспособленной к труду, слабохарактерной, живущей главным образом в сфере личных чувств и переживаний.

Речь Гаева носит беспорядочный характер (по существу это «болтовня»), она лишена стержня, предмет его разговора непрерывно меняется: короткое рассуждение серьезного характера (например, о судьбе вишневого сада) сменяется лишенной всякого смысла тирадой (например, о природе; классическим образцом бессмысленного фразерства Гаева служит его «знаменитое» обращение к шкафу: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование...»), или назойливыми выкриками бильярдных терминов-аргоизмов («От шара направо в угол!..», «Желтого в середину!» (бильярд — единственный «интерес» в жизни Гаева), или клятвами, что вишневый сад не будет продан. Порой речь его высокомерно груба («Дам я ему, держи карман...», «Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет»). Речь Гаева часто экспрессивна, но лишена подлинного чувства. В своей речи он обнаруживает внутреннюю свою сущность: перед нами внешне культурный, а внутренне пустой барин-фразер, праздный, лишенный серьезных интересов, практически беспомощный.

Характеризуя речь Лопахина, отмечаем, что она сложна по словарному составу. Наряду с естественными в его речи грубыми словами, свойственными языку малокультурных людей выражениями, как *мужик мужиком, болван, от людей совестно, нос драть* и т. п., в языке Лопахина встречаем слова и выражения, обычные в речи культурных слоев общества (*трогательные глаза, глубочайшие горизонты*). Но в основном это типичная речь дельца, деловая, конкретная, точная. Стремление к точному словоупотреблению нередко выражается в пользовании цифрами («...на 22-е августа назначены торги... Ваше имение находится только в

двадцати верстах от города.. вы будете иметь самое малое 25 тысяч в год дохода) или «Господа, имейте в виду, до поезда осталось всего *46 минут!* Значит, через *20 минут* на станцию ехать...»).

Если речь делового характера и монолог после покупки вишневого сада характеризуют Лопахина как типичного дельца-хищника, заботящегося прежде всего о своих интересах, то «лирические» высказывания Лопахина на первый взгляд противоречат складывающемуся у нас образу дельца-стяжателя. Нельзя забывать, что Лопахин находился в постоянном общении с Гаевым, с Трофимовым, с Варей, с Аней, и это, несомненно, положило отпечаток на его речь. Однако также несомненно, что Лопахин, несмотря на личную доброту и личную приязнь к владельцам вишневого сада, все же прежде всего типичный делец-капиталист.

Для Трофимова наиболее характерны длинные тирады, заключающие в себе как резкую критику общественных пороков, так и оптимистические слова о светлом будущем, призыв стремиться к нему. В речах Трофимова мы находим слова и выражения, не встречающиеся в репликах других действующих лиц «Вишневого сада»: это слова, свойственные языку высокоинтеллигентных людей с широкими общественными интересами (*обмен веществ, физиологически, крепостники, «своей узкой головой не может понять»* и т. п.). В его речи встречаются сложно построенные предложения, отражающие сложную взаимосвязь мыслей. Характерно, что, когда Трофимов говорит о пороках общества, его речь конкретна («...*езде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота...*» или: «Укажите мне, *где у нас ясли, о которых говорят много и часто, где читальни?*»); когда же он начинает говорить о будущем, его речи делаются отвлеченными, расплывчатыми, в них больше чувства, чем мысли («Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали!»). Приподнятый, патетический их характер, метафоричность вызывают реплику Ани:

«Как хорошо вы говорите!» Речи Трофимова способны зажигать слушателя, хотя прямой призыв к борьбе здесь заменен неопределенным призывом обойти мелкое и призрачное. В этих речах выступает перед нами человек, искренне ненавидящий старое, отжившее, но очень неясно представляющий себе пути в новое.

Несколько близка по характеру к языку Раневской речь Ани, менее сентиментальная, но столь же эмоциональная, очень часто восторженная. Восклицательные предложения решительно преобладают в ее речи. Она охотно, иногда по-детски наивно, дает эмоционально насыщенные оценки окружающему в прилагательных, наречиях, категории состояния («перед нами откроется чудесный мир», «по-французски я говорю ужасно...», «Яша... требует себе порцию, просто ужасно», «сегодня здесь дивно» и т. п.).

В последнем действии, когда в речи Раневской преобладают грустные, печальные интонации, короткие реплики Ани звучат *«весело, призывающе»*: она приветствует новую жизнь. Речь Ани — речь очень юной девушки, горячо отзывающейся на все происходящее, всей душой рвущейся навстречу новой жизни.

Как это обычно бывает в драматических произведениях, в «Вишневом саде» автор пользуется репликами действующих лиц, чтобы дать «свою» острую, меткую характеристику тому или иному герою. Эта характеристика может «формально» исходить из уст персонажа, ни в какой мере не близкого автору, но тем не менее явно совпадать с оценкой самого автора. Эпитет «недотепа», «принадлежащий» Фирсу, очень подходит и к Трофимову, и к Епиходову, и к Гаеву. Удачно характеризует некоторые черты Трофимова выражение «облезлый барин». Конечно, сам Чехов дает оценку Лопухину устами Трофимова: «хищный зверь».

Исключительно велика роль ремарок в «Вишневом саде» (больше, чем в других пьесах Чехова). Они не только указывают на жесты, движения, на необходимость паузы, но, очень точно характеризуя интонацию,

вместе с тем и глубже раскрывают характер говорящего. Вот, например, ремарки, относящиеся к Ане, в 4-м действии: *радостно, умоляюще, весело, призывающе*.

Очень выразительны ремарки, относящиеся к Яше. Приводим их, за исключением нескольких нехарактерных: *деликатно, оглядывается и обнимает ее, с усмешкой, зевает, потом закуривает сигару; зевает, зевает, прислушивается, собирает монеты, едва удерживается от смеха, едва удерживаясь от смеха, зевает, смеется, оглядываясь, вполголоса; зевает, пьет, обиженно, насмешливо, пьет шампанское, пьет шампанское, хлопочет около чემоданов, тихо напевает; с презрением*.

Изучение языка «Вишневого сада» настолько важно, что, если нет возможности выделить специальный урок по языку, нужно дать учащимся самостоятельное задание. Можно, например, предложить составить характеристику языка по схеме, приведенной выше, но несколько упрощенной: 1) характерные образцы речи персонажа; 2) словарный состав и синтаксическая конструкция предложения; 3) общая характеристика речи персонажа; 4) ремарки, характеризующие речь персонажа; 5) черты действующего лица, отраженные в речи. Работы, выполненные по этой схеме, должны быть обсуждены на уроке.

А. М. Горький в «Литературных заметках» писал: «...Как стилист Чехов недостижим, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов». Оценка, бесспорно, глубоко верная, обязывающая учителя говорить о языке Чехова горячо, эмоционально, стремясь довести до учащихся высокие достоинства чеховского языка, научить им восхищаться. Мы должны показать (а не сообщить) учащимся не только его выразительность, лаконизм, образность, но и совершенную простоту его — плод высокого мастерства. На чеховской прозе можно учиться писать так же, как на «Тамани» Лермонтова, которую Чехов считал образцом художественной прозы.